АЛЕКСЕЙ А. АБРАМОВ

Война в судьбах нашей семьи

ДОКУМЕНТЫ, ФАКТЫ, ВОСПОМИНАНИЯ

Алексей Абрамов

Война в судьбах нашей семьи. Документы, факты, воспоминания

«Издательские решения»

Абрамов А. А.

Война в судьбах нашей семьи. Документы, факты, воспоминания / А. А. Абрамов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-563690-4

Что вы знаете о Великой Отечественной войне? О судьбах ваших дедушек, бабушек и других близких родственников? Я хочу сохранить память о моих родственниках для моих детей, пока это еще не поздно…

ISBN 978-5-00-563690-4

© Абрамов А. А.
© Издательские решения

Содержание

Семейная книга о войне… 6
Глава первая. Блокада Ленинграда глазами ребёнка 7
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Война в судьбах нашей семьи
Документы, факты, воспоминания

Алексей А. Абрамов

Воспоминания Татьяна Николаевна Юфа
Воспоминания Валентина Николаевна Абрамова
Воспоминания Нина Никитична Микляева
Воспоминания Валентин Сергеевич Микляев
Корректор Мария Яковлева
Корректор Екатерина Валентиновна Абрамова
фото и документы из семейных архивов Абрамовых, Дегтяревых, Микляевых

© Алексей А. Абрамов, 2022

ISBN 978-5-0056-3690-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Семейная книга о войне…

Здравствуйте, дорогие родные и все те, кому интересна история одной семьи.

Сначала было желание просто сохранить воспоминания Татьяны Николаевны Юфа, в девичестве Дегтярёвой, чтобы дети помнили и знали, что такое война и блокада Ленинграда, какие она приносит ужасы, утраты и страдания, но потом захотелось рассказать и о других членах нашей семьи, которые пока ещё сохранились в памяти наших родителей… Не только о моих бабушках и дедушках, но и о бабушках и дедушках моей супруги. Ведь для наших детей они уже прабабушки и прадедушки, и хочется, чтобы память о них сохранилась. От некоторых осталась только справка о смерти, найденная в архиве, и все…

Эта книга приурочена к годовщине Победы в Великой Отечественной войне. Начало рассказа о нашей большой семье. Я надеюсь, что, взяв её в руки и прочитав, у вас возникнет вопрос: «А почему здесь не рассказано о моём дяде, тёте, дедушке?» Если вы хотите, чтобы и о них сохранилась память, то я готов это сделать во второй части книги. Свяжитесь со мной по e-mail: okkervilgrad@my.com, и мы вместе с вами напишем продолжение.

Откроют рассказ о войне воспоминания тёти Тани, Татьяны Николаевны Юфа. Тогда, в далеком 1941 году она была просто Таня Дегтярёва и жила в Ленинграде на Нейшлотском переулке в доме 23, что стоит у самой железной дороги, рядом с Финляндским вокзалом.

Эти воспоминания она написала, когда её родной город сменил имя и стал Санкт-Петербургом, но для неё он так и остался Ленинградом.

Сначала вы увидите отсканированные страницы этих воспоминаний, а потом, для удобства, прочитаете обработанный текст…

Итак, начнем…

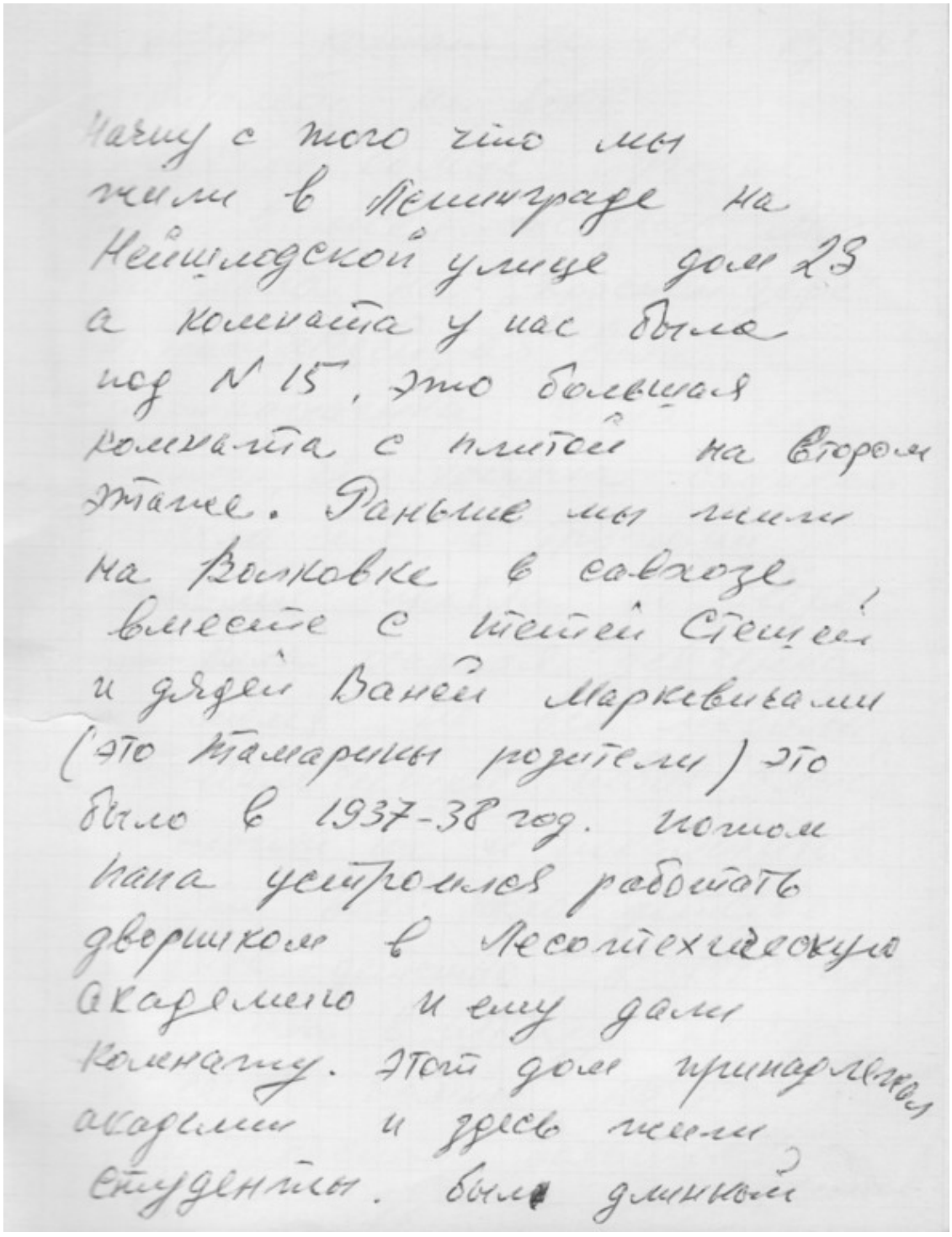
Глава первая. Блокада Ленинграда глазами ребёнка

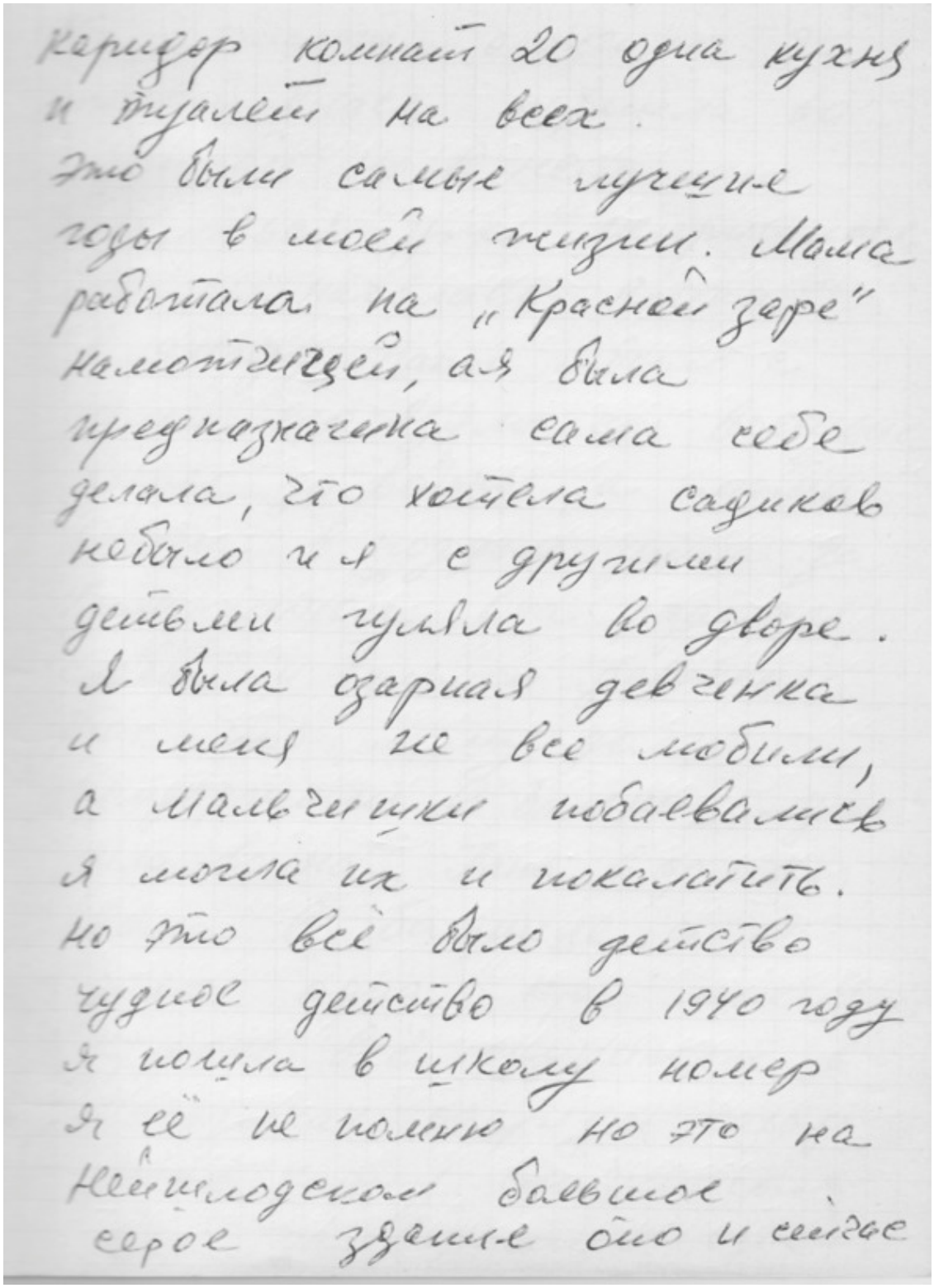
Дегтярёва Татьяна Николаевна (фото сделано перед войной)

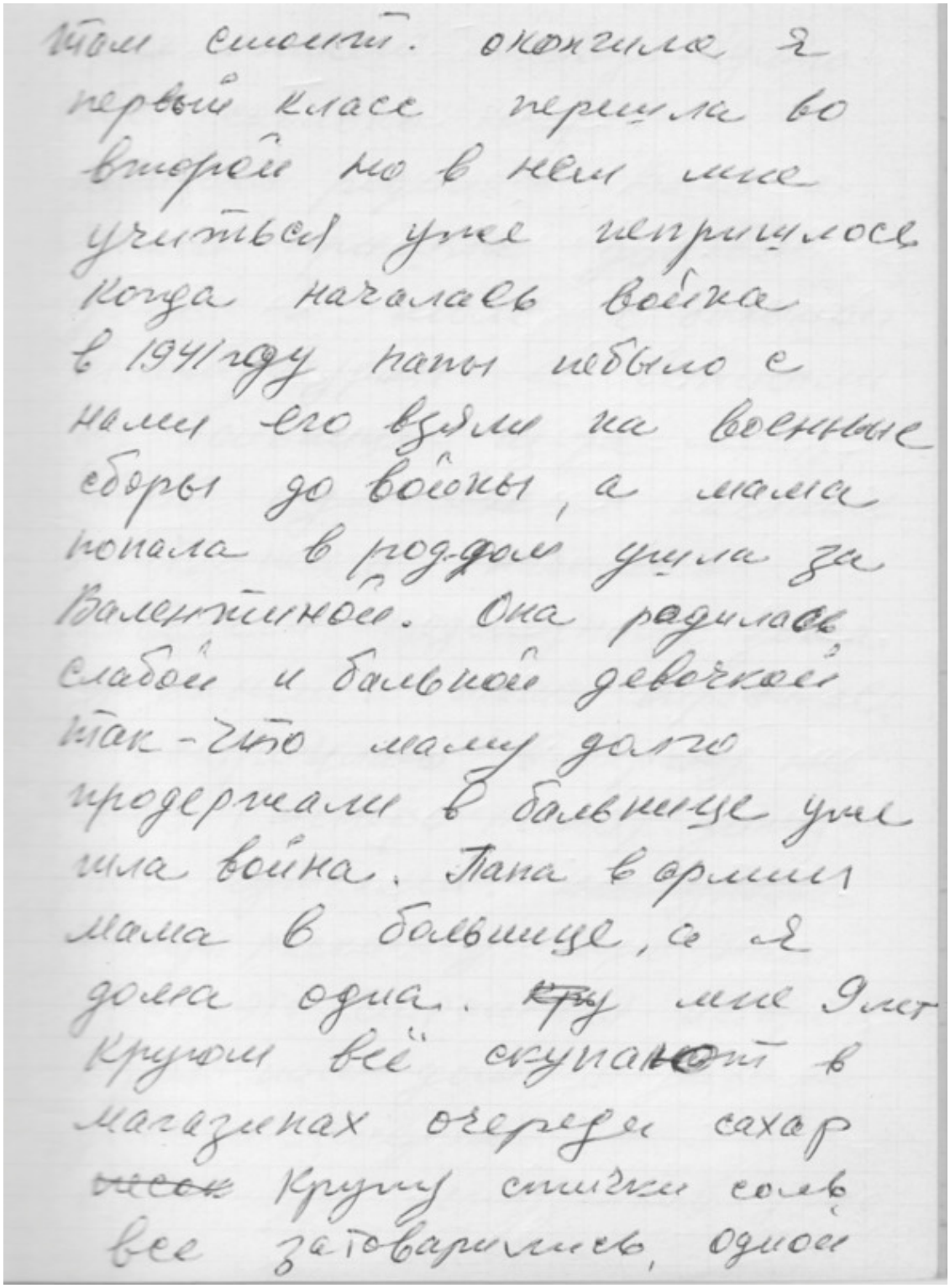
Татьяна Николаевна Юфа (Дегтярёва)

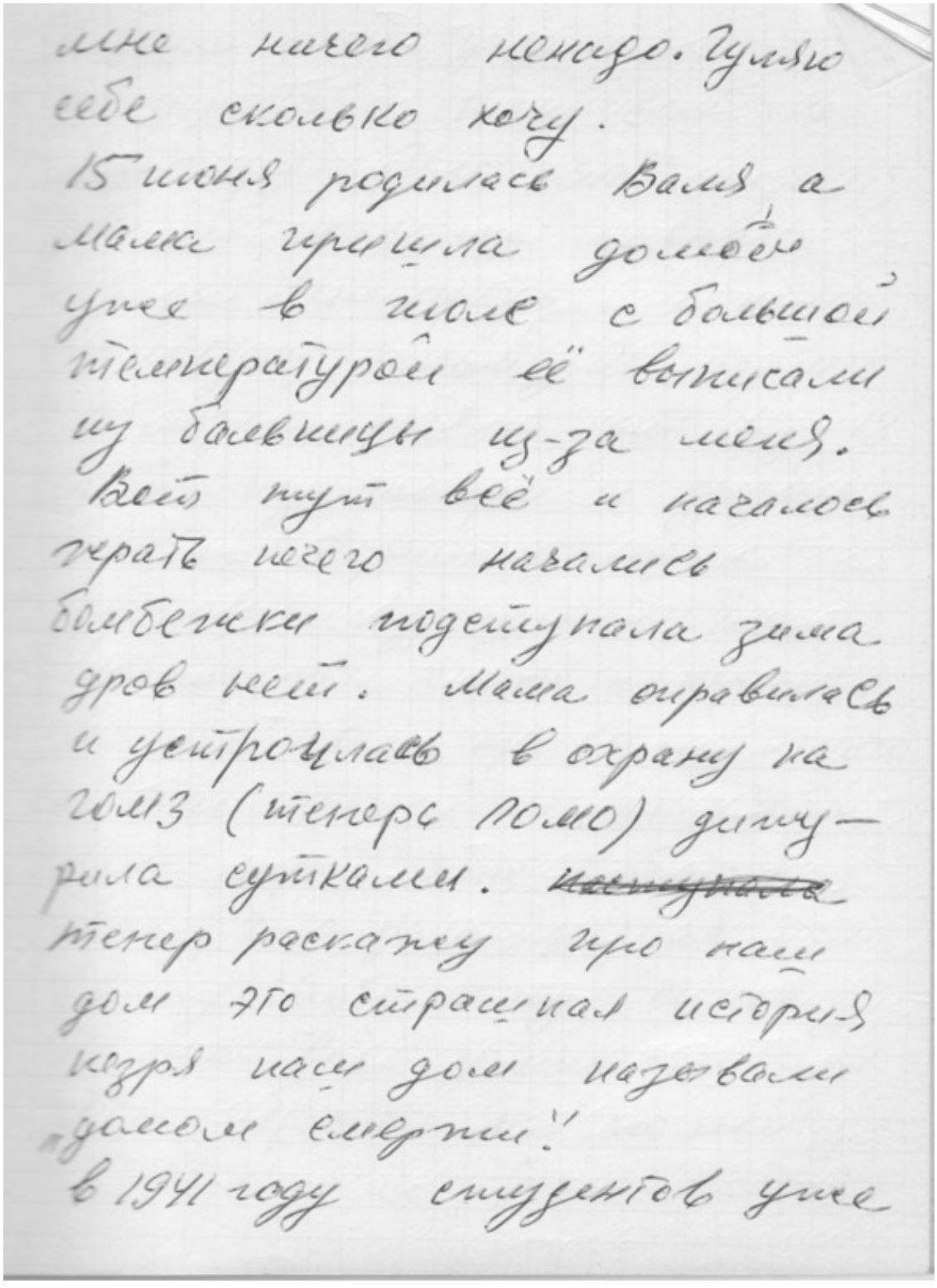
Начну с того что мы
жили в Ленинграде на
Нейшлотской улице дом 23
а комната у нас была
под № 15, это большая
комната с плитой на втором
этаже. Раньше мы жили
на Волковке в совхозе
вместе с тетей Стешей
и дядей Ваней Маркевичами
(это Тамарины родители) это
было в 1937-38 год. потом
нам устроили работать
дворником в Лесотехническую
академию и ему дали
комнату. Этот дом принадлежал
академии и здесь жили
студенты. была длинной

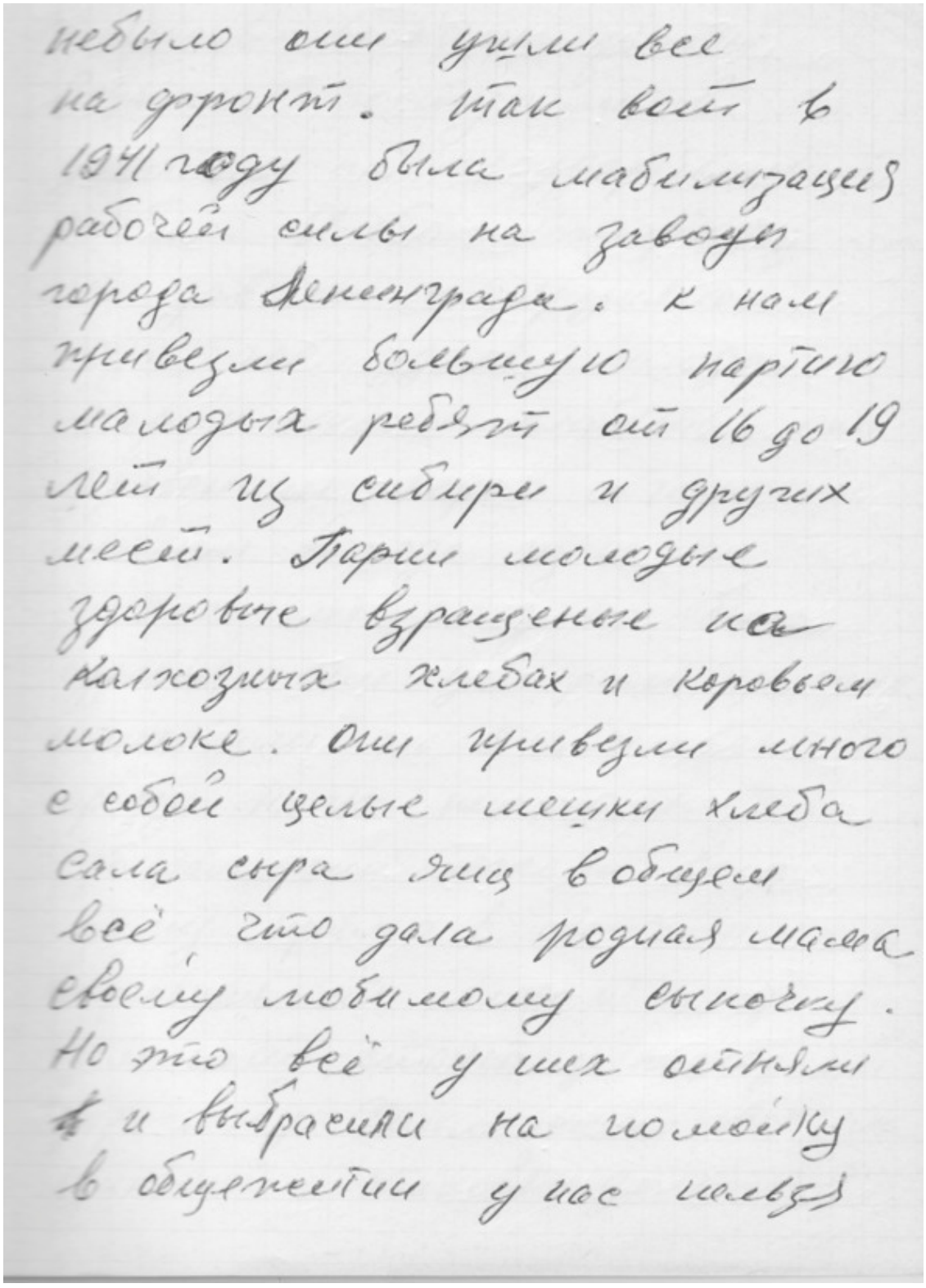
коридор комнат 20 одна кухня
и туалет на всех.
Это были самые лучшие
годы в моей жизни. Мама
работала на „Красной заре"
наладчицей, а я была
предназначена сама себе
делала, что хотела сидела
небыло и я с другими
детьми гуляла во дворе.
Я была озорная девчонка
и меня не все любили,
а мальчишки побаивались
я могла их и поколотить.
но это всё было детство
чудное детство в 1940 году
я пошла в школу номер
я её не помню но это на
Нейшлотском бывшее
серое здание оно и сейчас

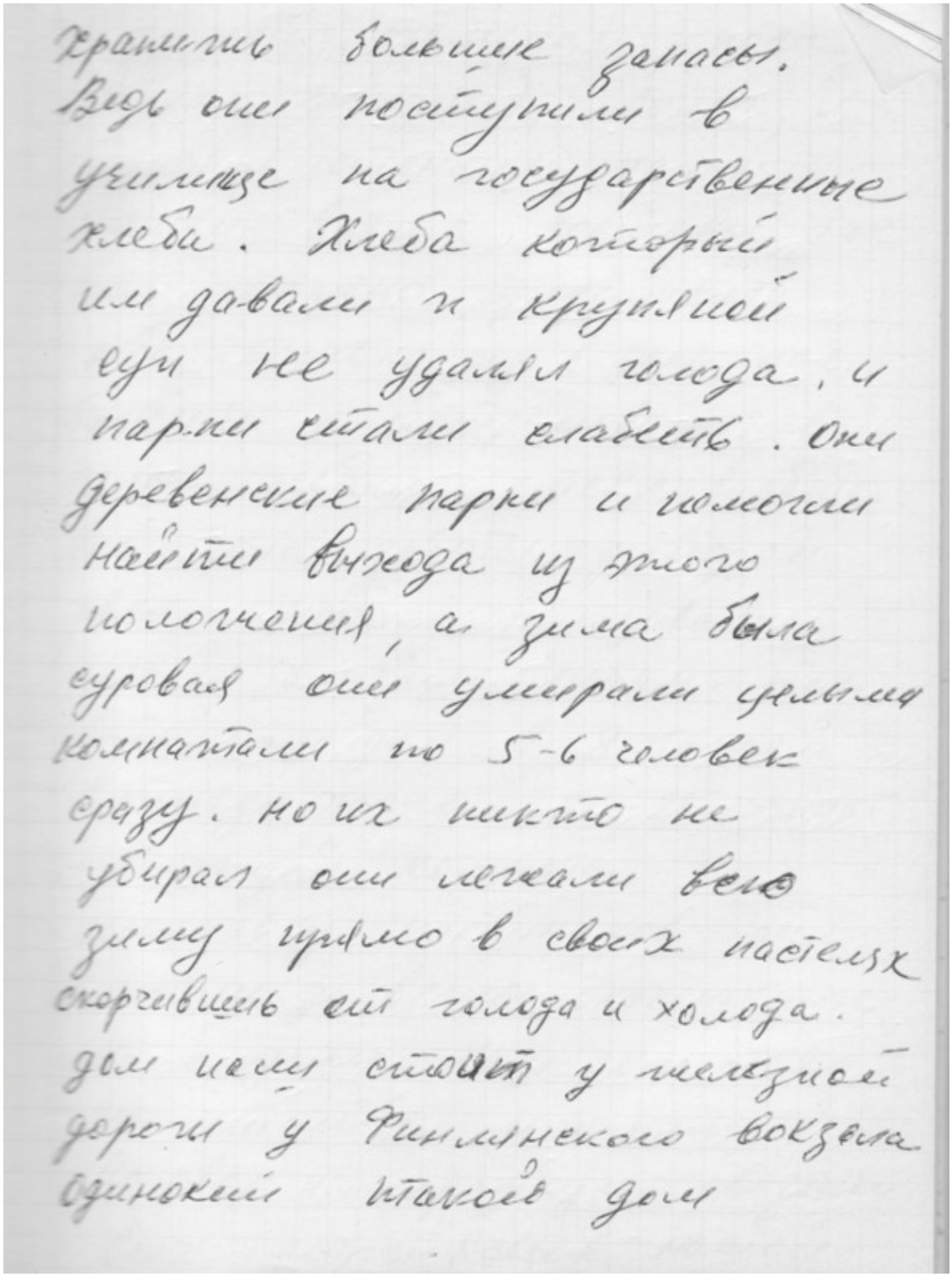
Том смысле. Окончила я
первый класс перешла во
второй но в нем мне
учиться уже не пришлось
Когда началась война
в 1941 году папы тогда с
нами его взяли на военные
сборы до войны, а мама
попала в роддом родила за
Валентиной. Она родилась
слабой и больной девочкой
Как-то маму долго
продержали в больнице уже
шла война. Папа в армии
мама в больнице, а я
дома одна. Ну мне Элет
Крюки все скупают в
магазинах очереди сахар
весь Крупу спички соль
все затоварились, одной

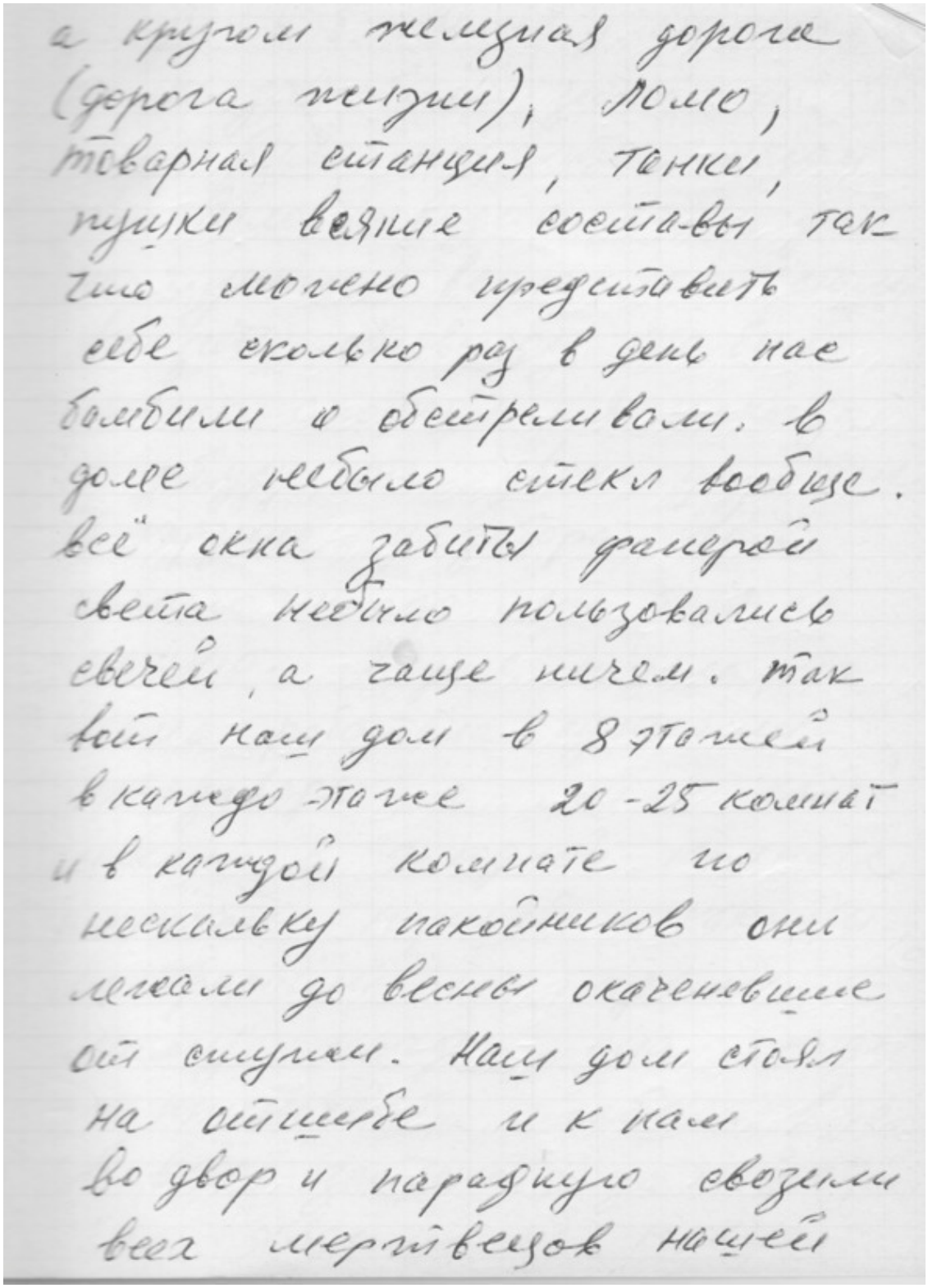
мне ничего нельзя. Гуляю
себе сколько хочу.
15 июня родилась Валя а
Мама грелась долбёжке
уже в поле с большой
температурой её выписали
из больницы из-за меня.
Кай тут всё и началось
играть некого наелись
болбешки подступала зима
дров нет. Мама оправилась
и устроилась в охрану на
гомз (теперь ломо) дежу-
рила сутками. ~~Капустка~~
теперь расскажу про наш
дом это страшная история
когда наш дом назвали
„домом смерти"!
в 1941 году студентов уже

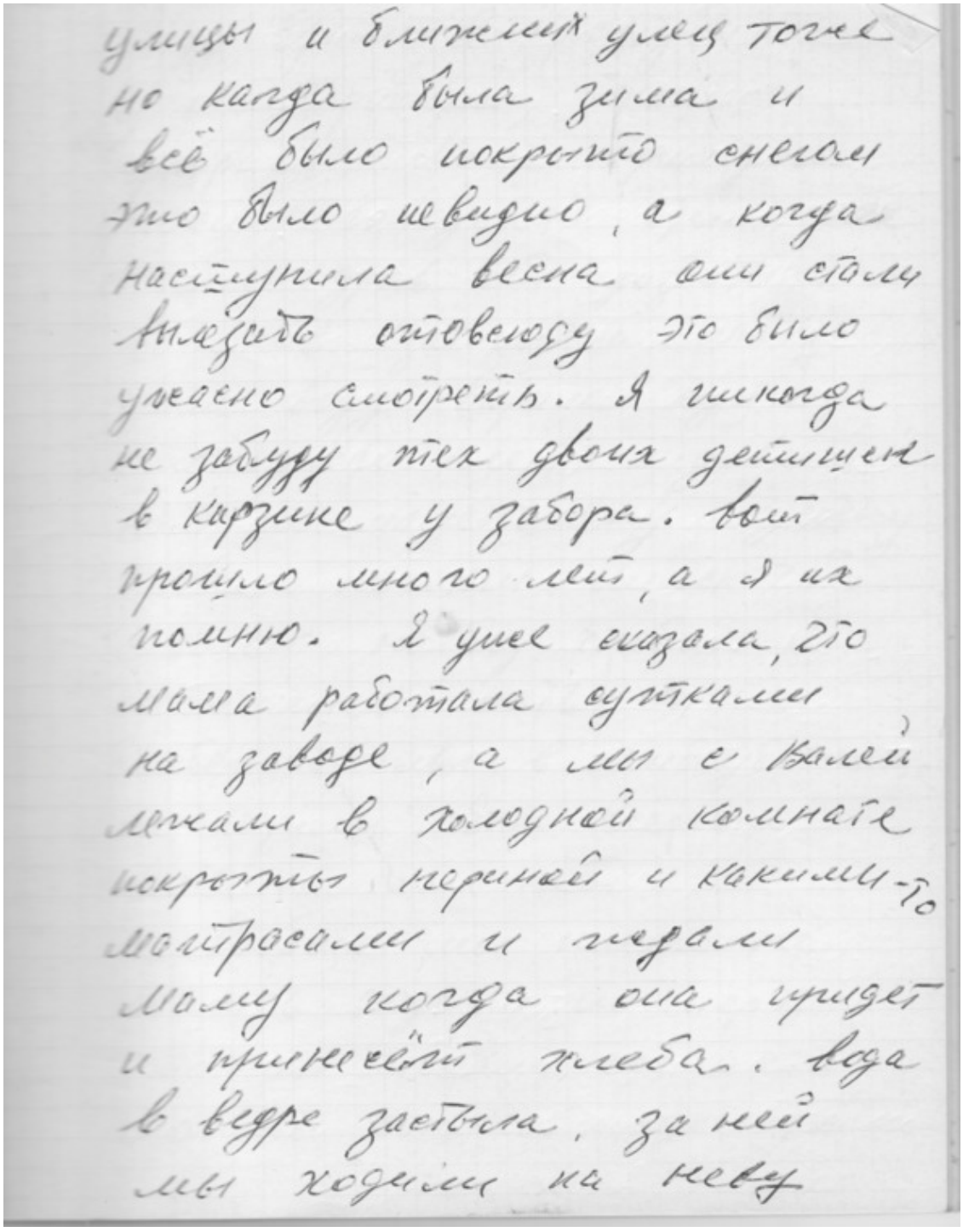
небыло они ушли все
на фронт. так вот в
1941 году была мабилизация
рабочей силы на заводы
города Ленинграда. к нам
привезли большую партию
молодых ребят от 16 до 19
лет из сибири и других
мест. Ребята молодые
здоровые взращеные на
колхозных хлебах и коровьем
молоке. Они привезли много
с собой целые мешки хлеба
сала сыра яиц в общем
всё что дала родная мама
своему любимому сыночку.
Но это всё у них отняли
и выбрасили на помойку
в общежитии у нас голод

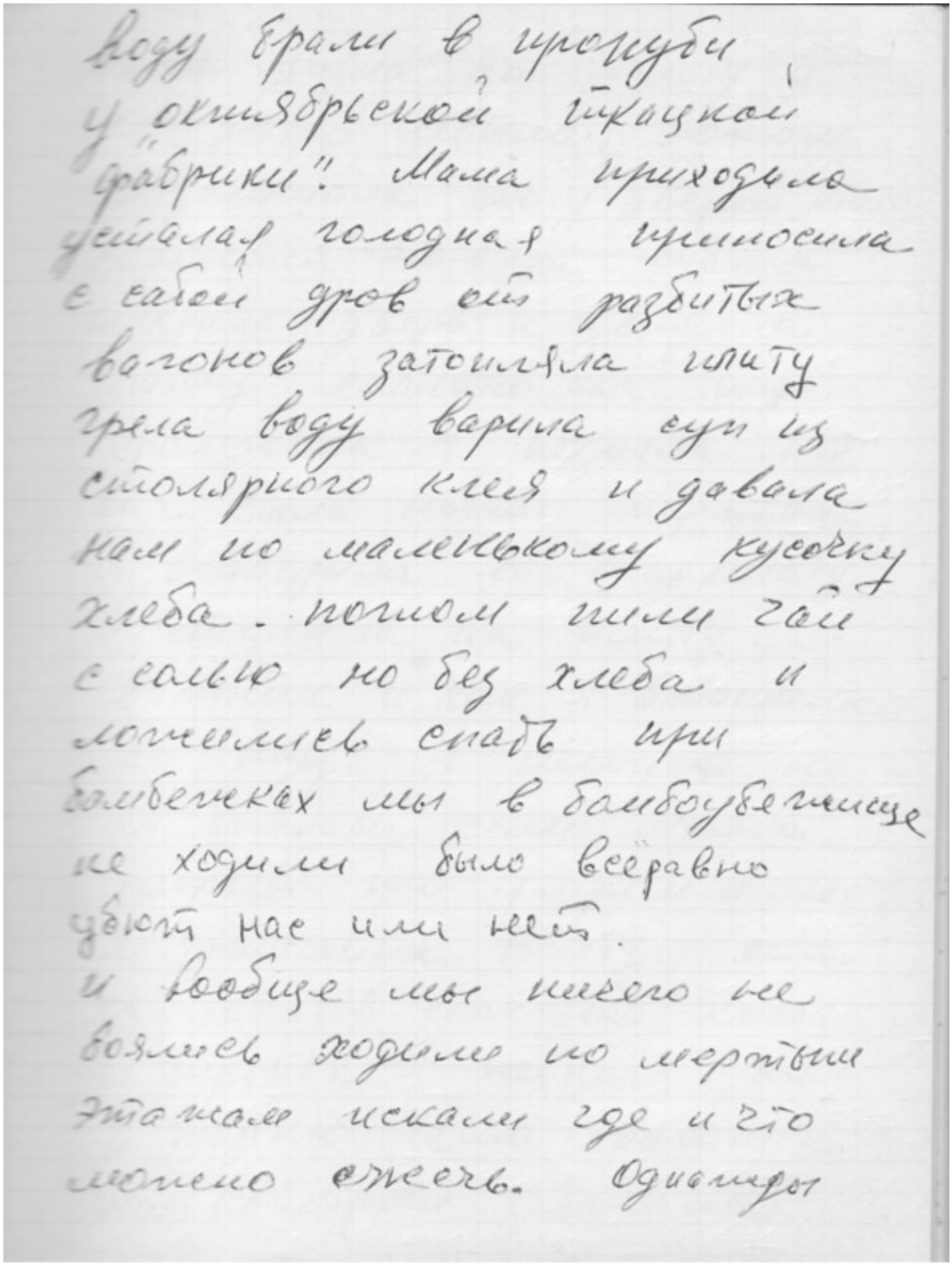
хранились большие запасы.
Ведь они поступили в
училище на государственные
хлеба. Хлеба которые
им давали и крупяной
суп не удалял голода, и
парни стали слабеть. Они
деревенские парни и помогли
найти выхода из этого
положения, а зима была
суровая они умирали целыми
комнатами по 5-6 человек
сразу. но их никто не
убирал они лежали всю
зиму прямо в своих постелях
скорчившись от голода и холода.
дом наш стоит у железной
дороги у Финляндского вокзала
одинокий такой дом

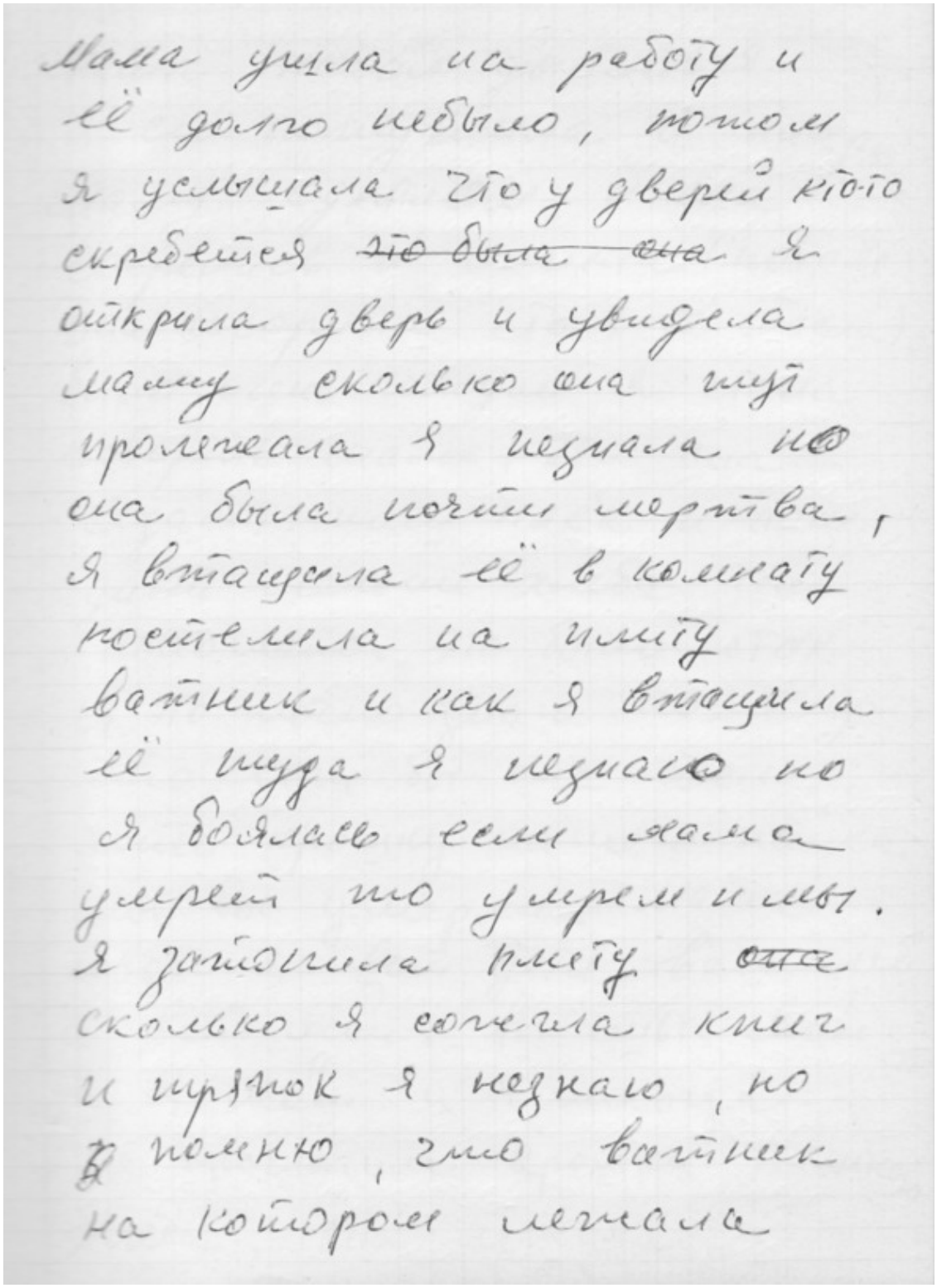
а кругом железная дорога
(дорога жизни), Ломо,
товарная станция, танки,
пушки всякие состава так
что можно представить
себе сколько раз в день нас
бомбили и обстреливали. в
доме небыло стекол вообще.
все окна забиты фанерой
света небыло пользовались
свечей, а чаще ничем. так
вот наш дом в 8 этажей
в каждом этаже 20-25 комнат
и в каждой комнате по
несколько покойников они
лежали до весны окаменевшие
от стужи. Наш дом стоял
на отшибе и к нам
во двор и парадную свозили
всех мертвецов нашей

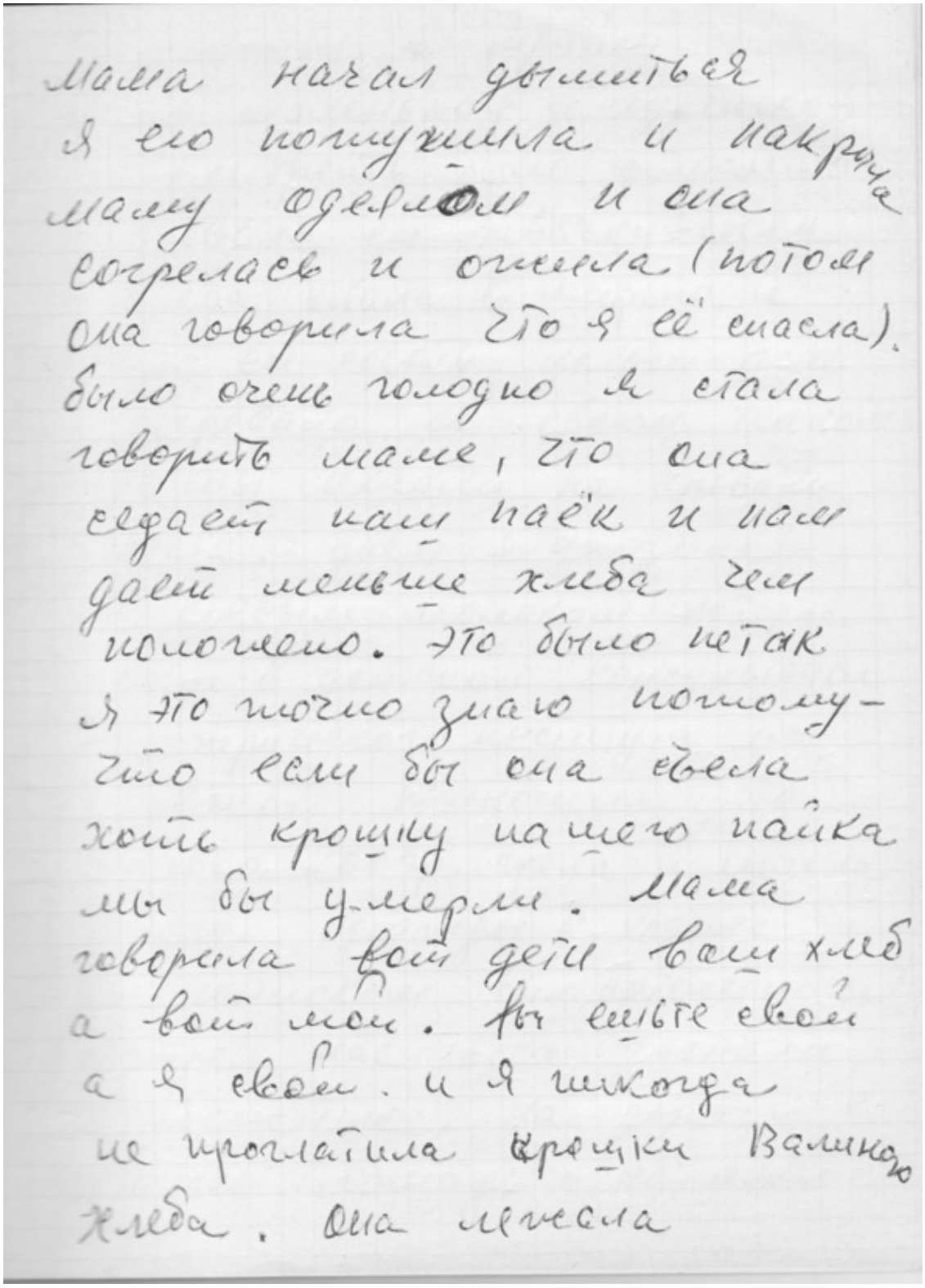
улицы и ближней улиц точно
но когда была зима и
всё было покрыто снегом
это было невидно, а когда
наступила весна они стали
видеть отовсюду это было
уже видно смотреть. Я никогда
не забуду тех двоих детишек
в корзине у забора. Вот
прошло много лет, а я их
помню. Я уже сказала, что
мама работала сутками
на заводе, а мы с Валей
лежали в холодной комнате
укрытые перинкой и какими-то
лоскутами и тряпками
Маму когда она придет
и принесёт хлеба. Вода
в ведре застыла, за ней
мы ходили на неву

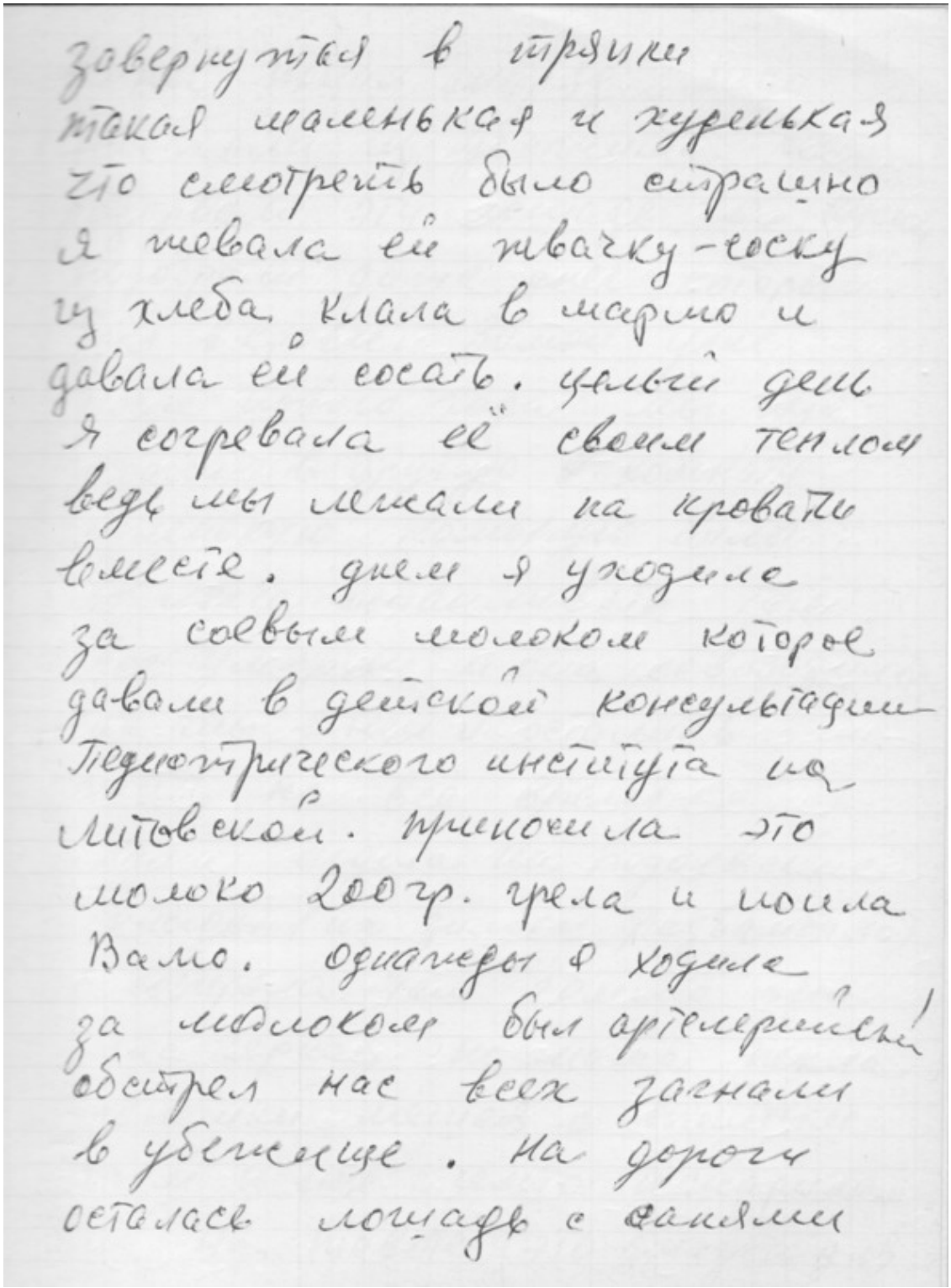
воду брали в проруби
у октябрьской ткацкой
фабрики". Мама приходила
усталая голодная приносила
с собой дров от разбитых
вагонов затопляла плиту
грела воду варила суп из
столярного клея и давала
нам по маленькому кусочку
хлеба. потом пили чай
с сахаром но без хлеба и
ложились спать при
бомбежках мы в бомбоубежище
не ходили было все равно
убьют нас или нет.
и вообще мы никого не
боялись ходили по мертвым
этажам искали где и что
можно съесть. Однажды

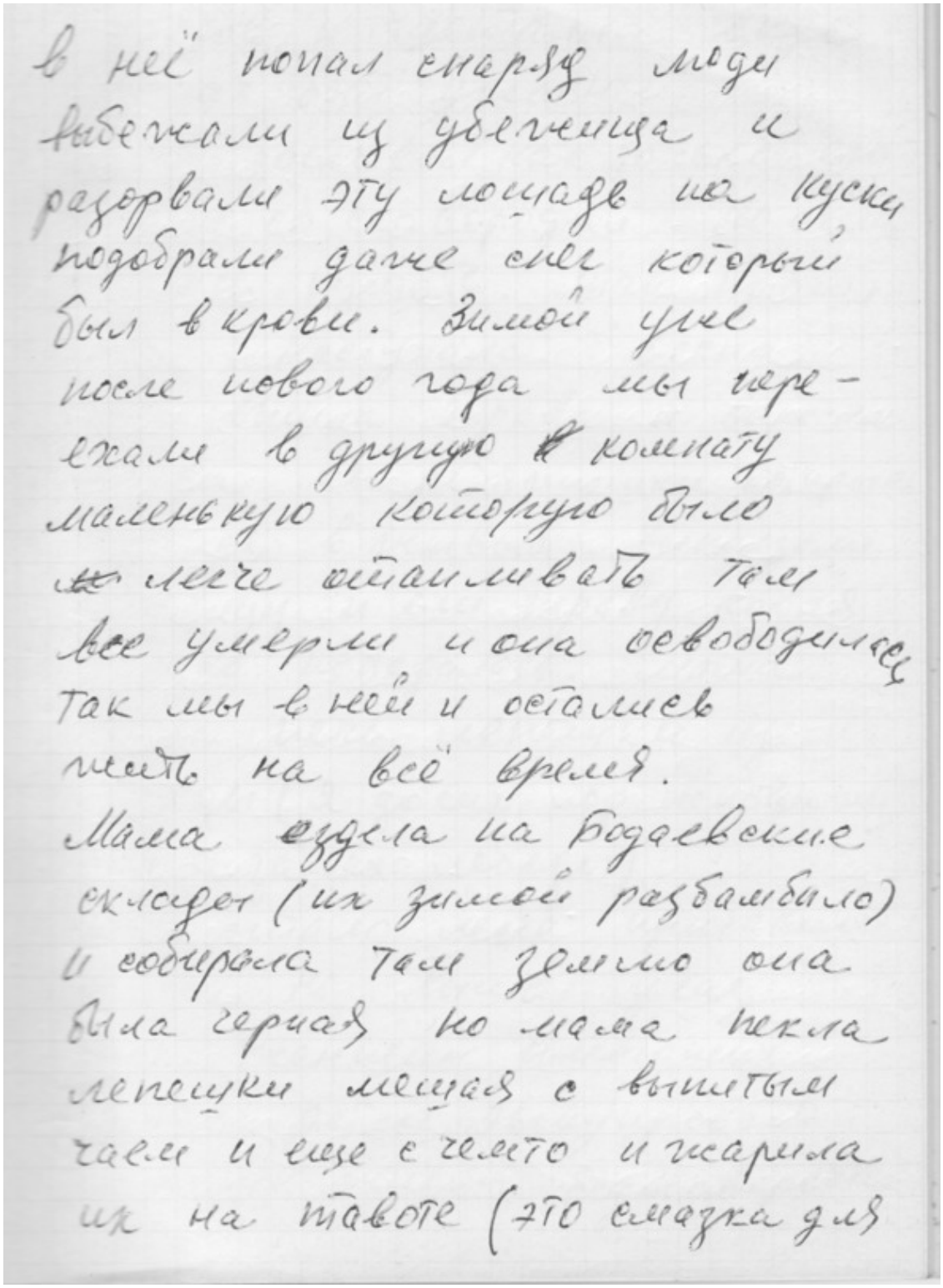
Мама ушла на работу и
её долго небыло, потом
я услышала что у дверей кто-то
скребется ~~это была она~~ я
открыла дверь и увидела
маму сколько она тут
пролежала я незнала но
она была почти мертва,
я втащила её в комнату
постелила на плиту
ватник и как я втащила
её туда я незнаю но
я боялась если мама
умрет то умрем и мы.
я затопила плиту ~~отца~~
сколько я сожгла книг
и тряпок я незнаю, но
я помню, что ватник
на котором лежала

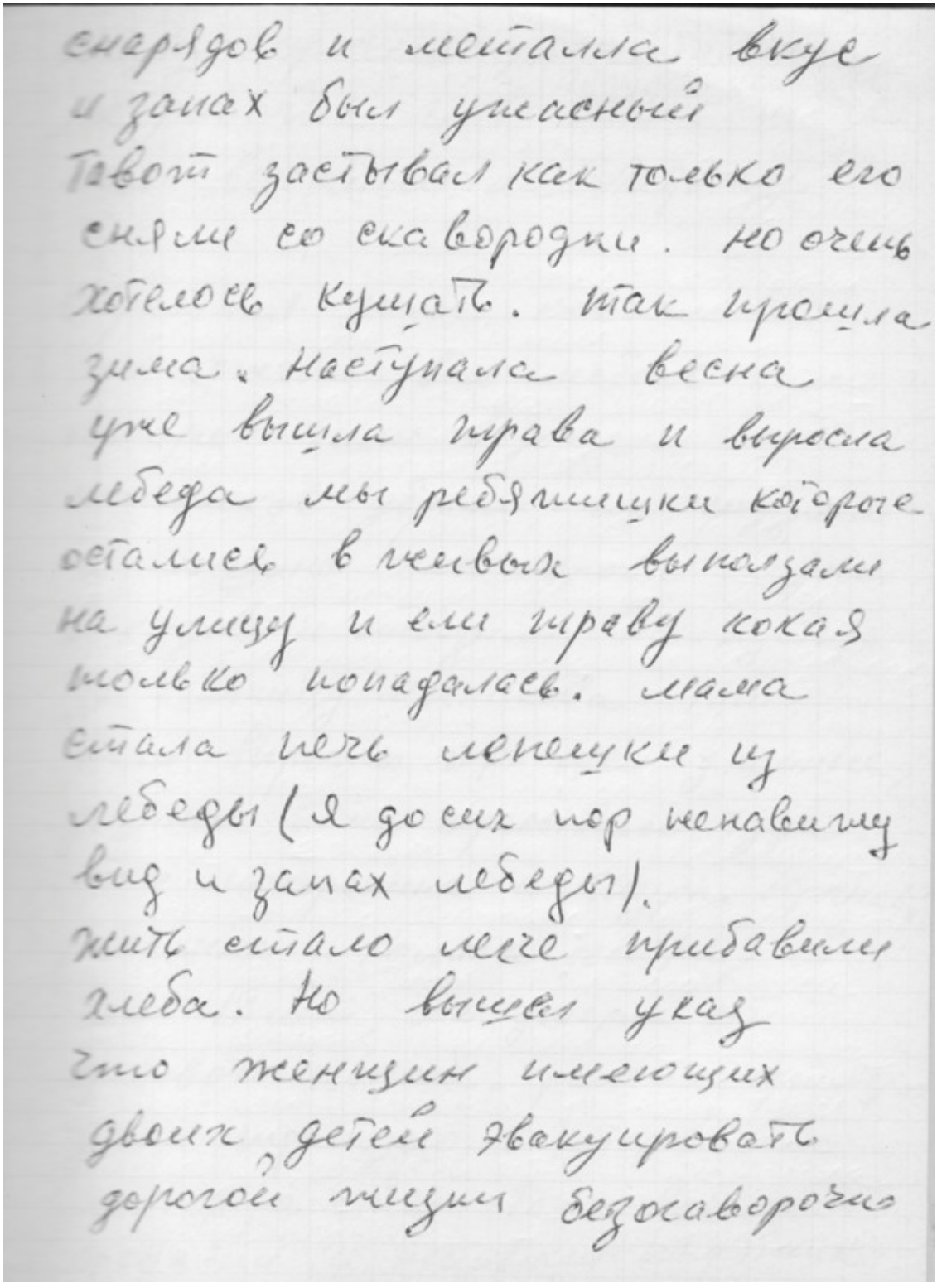
Мама начал двигаться
я его потушила и накрыла
маму одеялом и она
согрелась и очнулась (потом
она говорила что я её спасла).
Было очень голодно и стала
говорить маме, что она
сдаст наш паёк и нам
даст меньше хлеба чем
положено. Это было не так
я это точно знаю потому-
что если бы она сдала
хоть крошку нашего пайка
мы бы умерли. Мама
говорила вот дети ваш хлеб
а вот мой. Вы ешьте свой
а я свой. и я никогда
не проглотила крошки Вашего
хлеба. Она мечтала

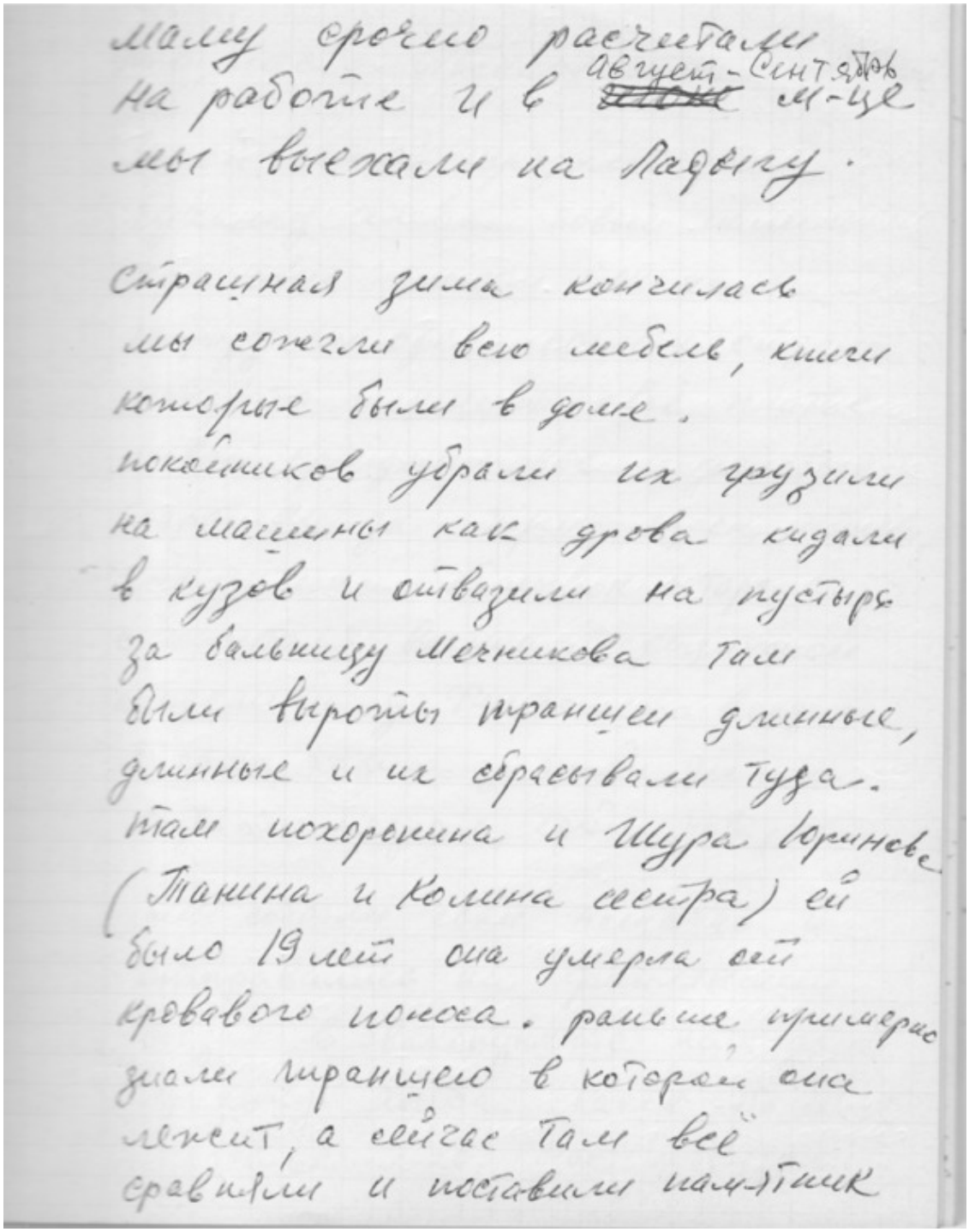
завернутая в тряпки
такая маленькая и худенькая
что смотреть было страшно
я жевала ей тряпку-соску
из хлеба, клала в марлю и
давала ей сосать. целый день
я согревала её своим теплом
ведь мы лежали на кровати
вместе. днем я уходила
за совым молоком которое
давали в детской консультации
Педиатрического института на
Литовской. приносила это
молоко 200 гр. грела и поила
Вало. однажды я ходила
за молоком был артеминский
обстрел нас всех загнали
в убежище. на дороге
осталась лошадь с санями

в ней попал снаряд люди
выбежали из убежища и
разорвали эту лошадь на куски
подобрали даже сам который
был в крови. Зимой уже
после нового года мы пере-
ехали в другую комнату
маленькую которую было
легче отапливать там
все умерли и она освободилась
так мы в ней и остались
жить на всё время.
Мама ездила на Бадаевские
склады (их зимой разбомбило)
и собирала там землю она
была горячая но мама текла
лепешки мешая с вышитым
чаем и еще с чем-то и жарила
их на таволе (это смазка для

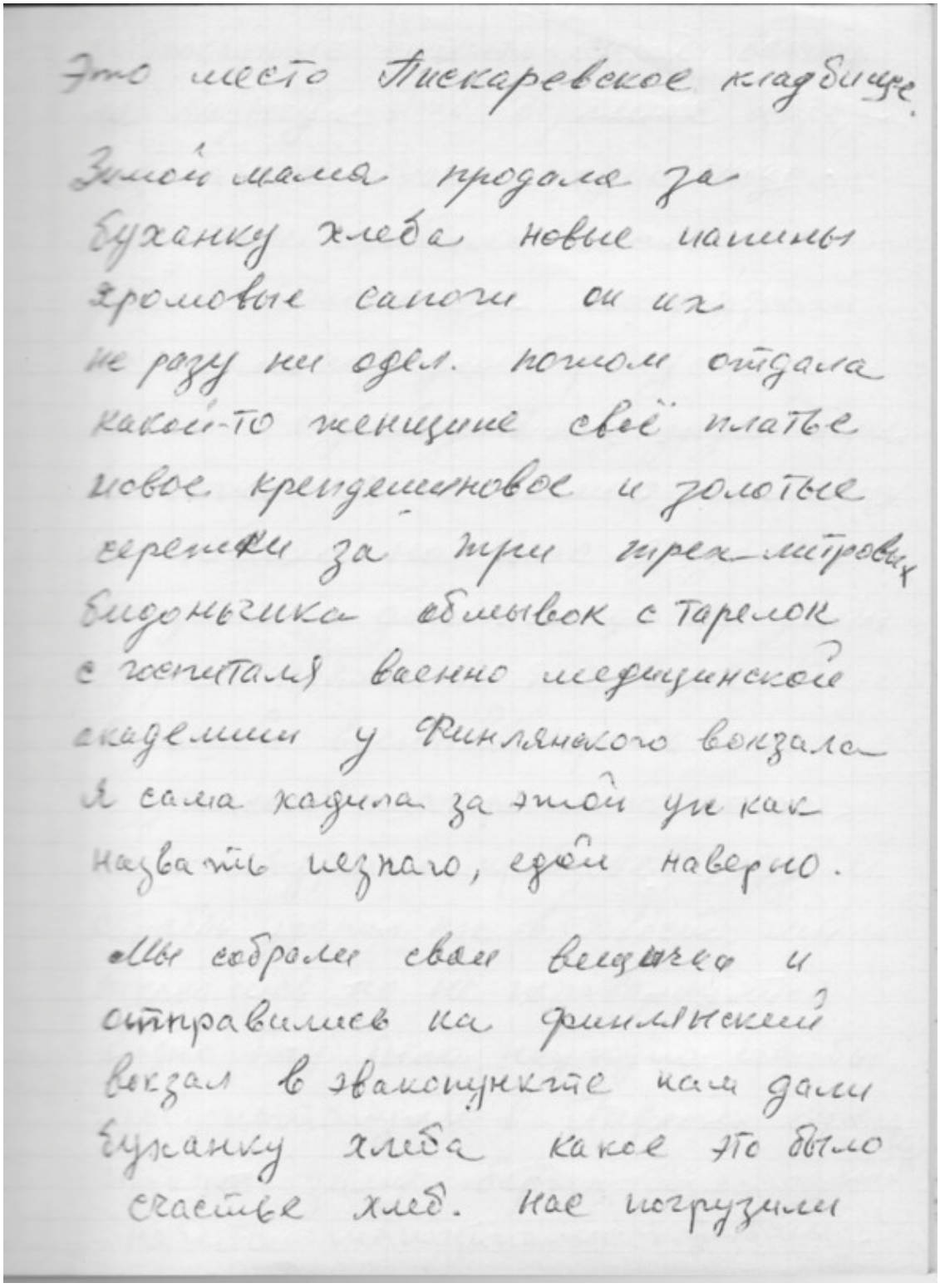

снарядов и металла вкус
и запах был ужасный
Голод застывал как только его
снимем со сковородки. но очень
хотелось кушать. так прошла
зима. наступила весна
уже вышла трава и выросла
лебеда мы ребятишки которые
остались в живых выходили
на улицу и ели траву какая
только попадалась. мама
стала печь лепешки из
лебеды (я до сих пор ненавижу
вид и запах лебеды).
жить стало легче прибавили
хлеба. но вышел указ
что женщин имеющих
двоих, детей эвакуировать
дорогой жизни бездоказорочно

Маму срочно расчетали
на работе и в ~~[illegible]~~ авиаци-синт.завод
мы выехали на Ладогу.

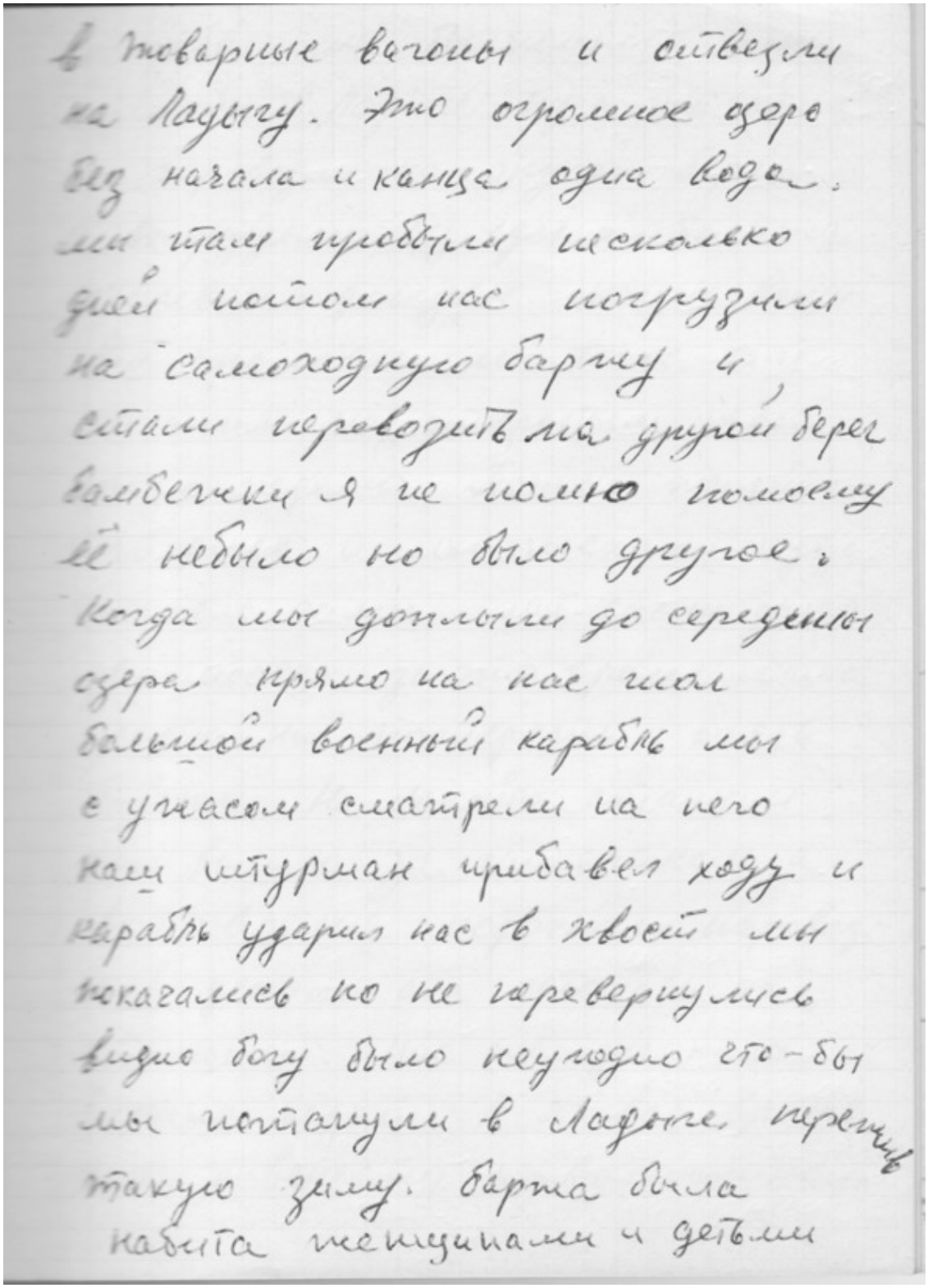
Страшная зима кончилась
мы сожгли всю мебель, книги
которые были в доме.
покойников убрали их грузили
на машины как дрова кидали
в кузов и отвазили на пустырь
за больницу Мехникова там
были выроты траншеи длинные,
длинные и их сбрасывали туда.
там похоронила и Шура Коринова
(Танина и Колина сестра) ей
было 19 лет она умерла от
кровавого поноса. раньше хоронили
знали траншею в которой она
лежит, а сейчас там всё
сравняли и поставили памятник

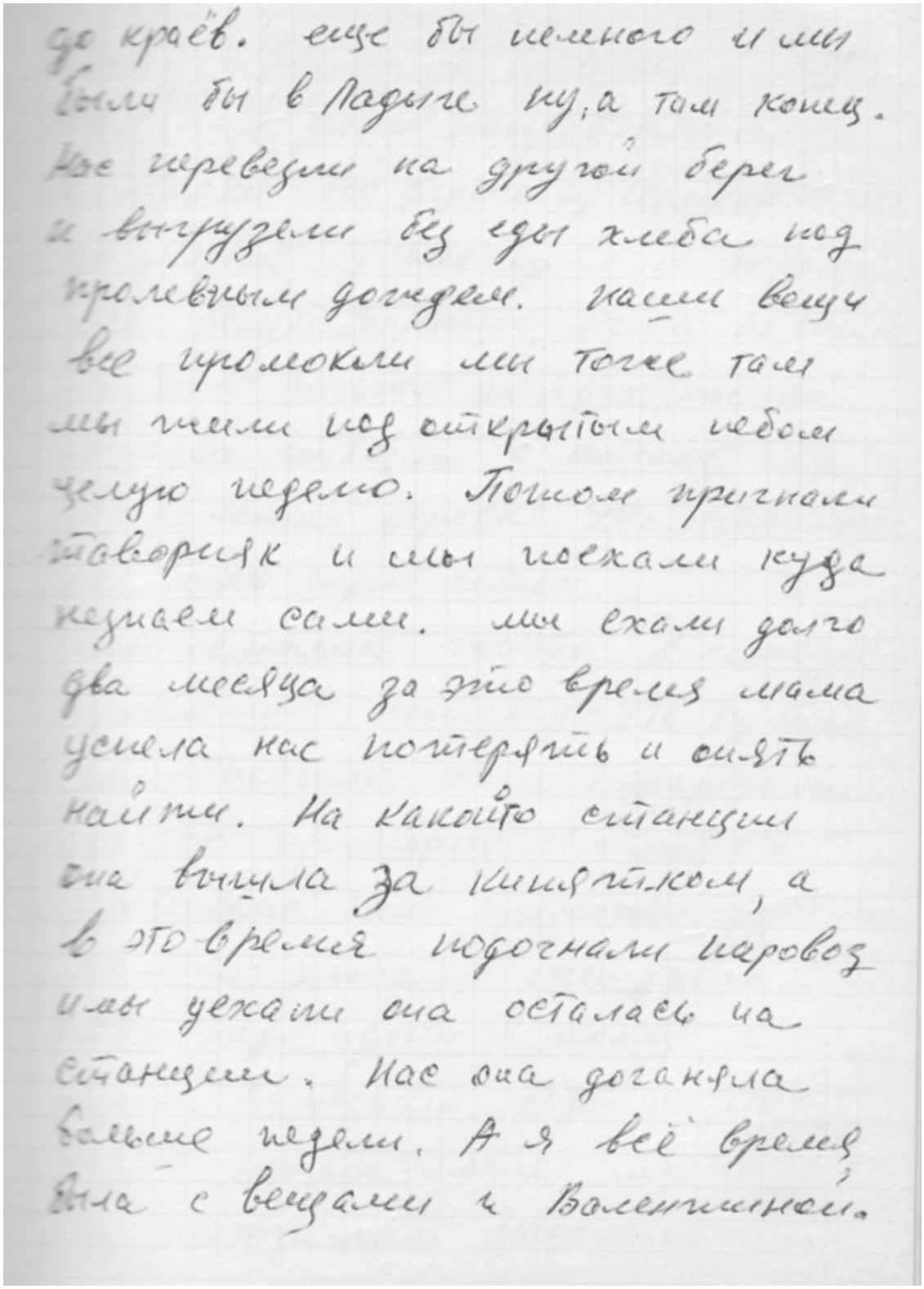
Это место Пискаревское кладбище.

Этой мамы продала за
буханку хлеба новые калоши
хромовые сапоги он их
не разу не одел. потом отдала
какой-то женщине своё платье
новое крепдешиновое и золотые
серёжки за три трех-литровых
бидончика обмывок с тарелок
с госпиталя военно медицинской
академии у Финляндского вокзала
я сама ходила за этой уж как
назвать незнаю, едой наверно.

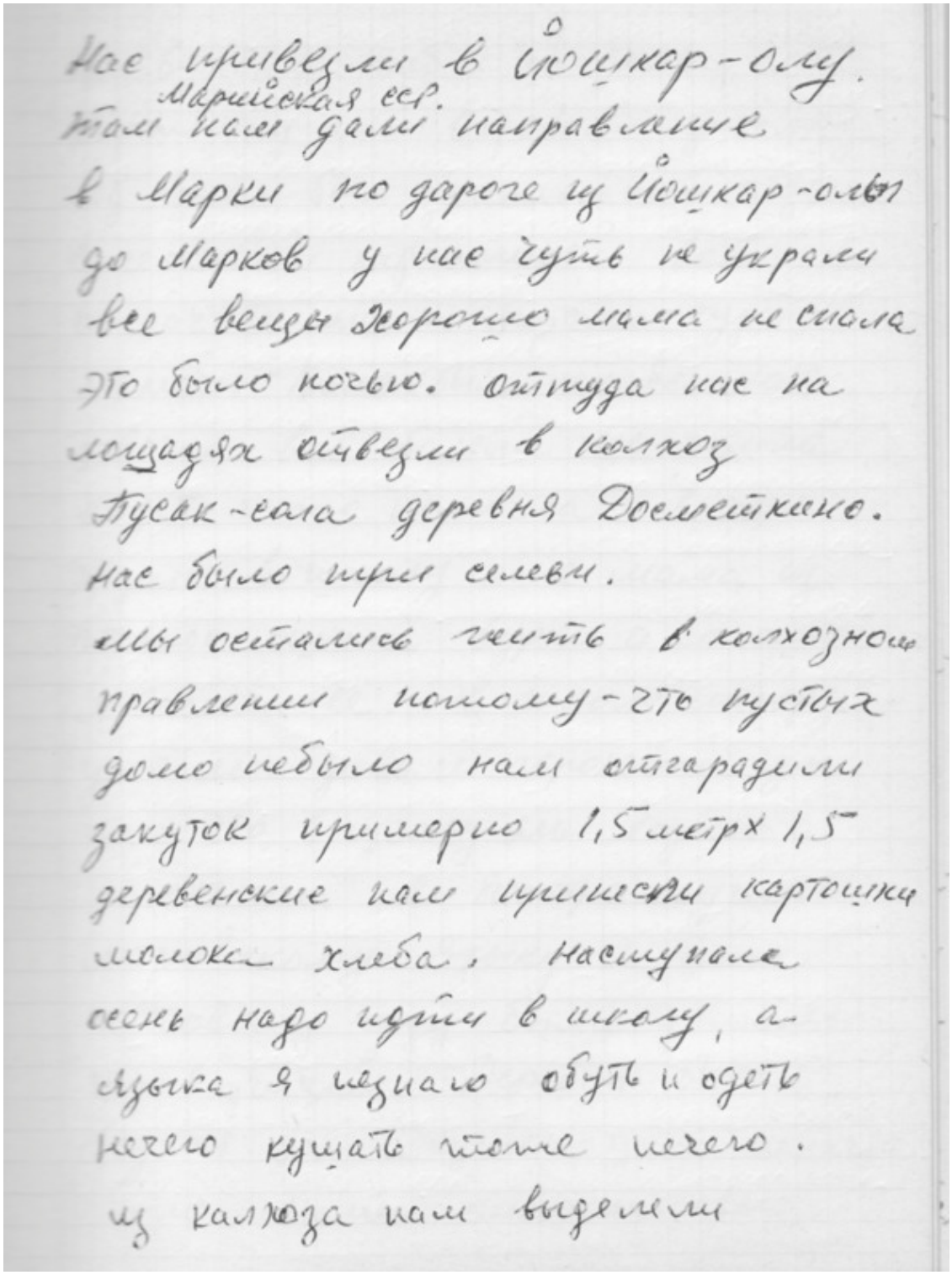
Мы собрали свои вещички и
отправились на финляндский
вокзал в эвакопункте нам дали
буханку хлеба какое это было
счастье хлеб. нас погрузили

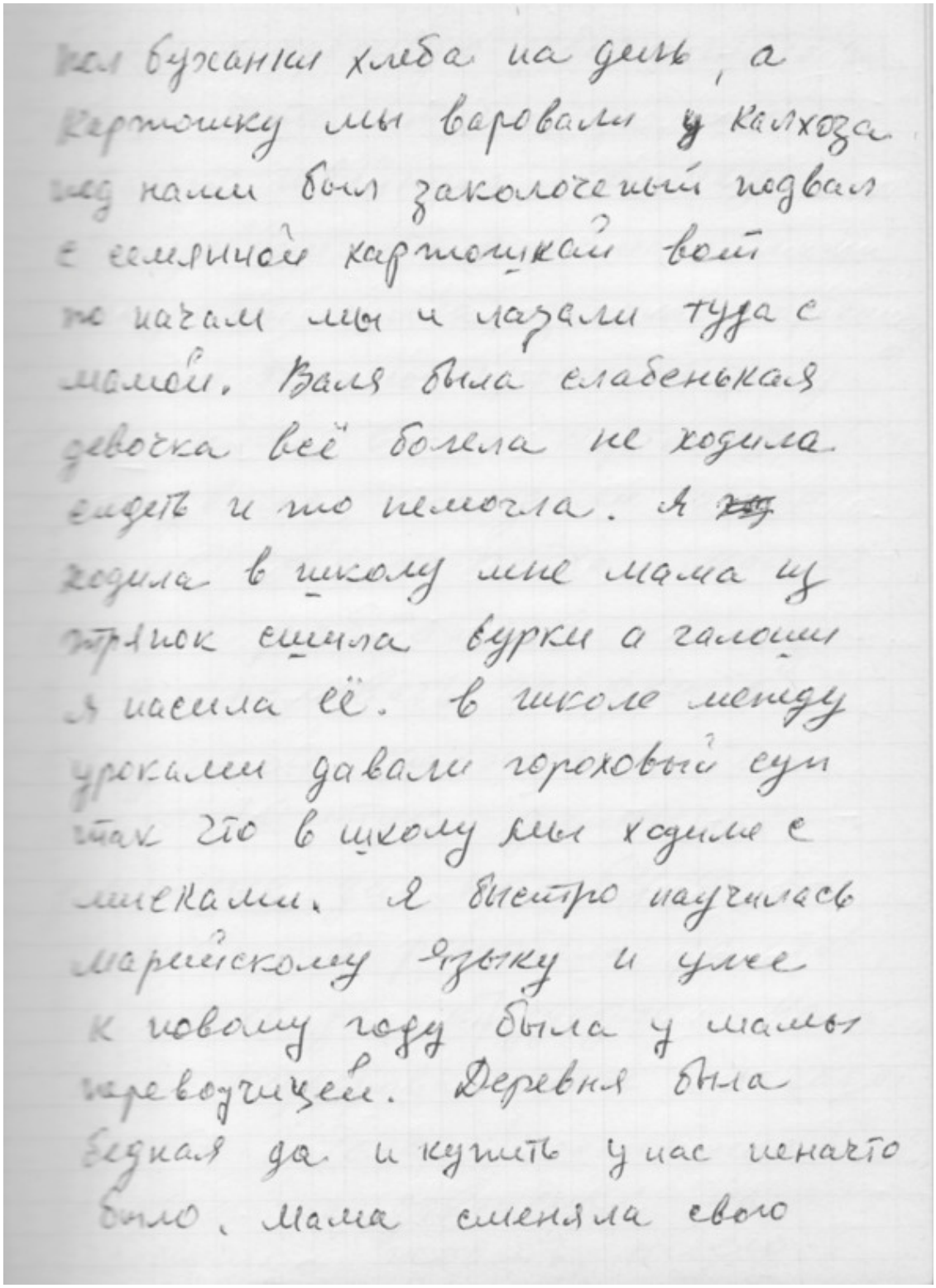
в товарные вагоны и отвезли
на Ладогу. Это огромное озеро
без начала и конца одна вода.
мы там пробыли несколько
дней потом нас погрузили
на самоходную баржу и
стали переводить на другой берег
бомбежки я не помню помочь
ей небыло но было другое.
Когда мы доплыли до середины
озера прямо на нас шел
большой военный корабль мы
с ужасом смотрели на него
наш штурман прибавил ходу и
корабль ударил нас в хвост мы
покачались но не перевернулись
видно богу было неугодно что-бы
мы потонули в Ладоге. пережить
такую зиму. баржа была
набита женщинами и детьми

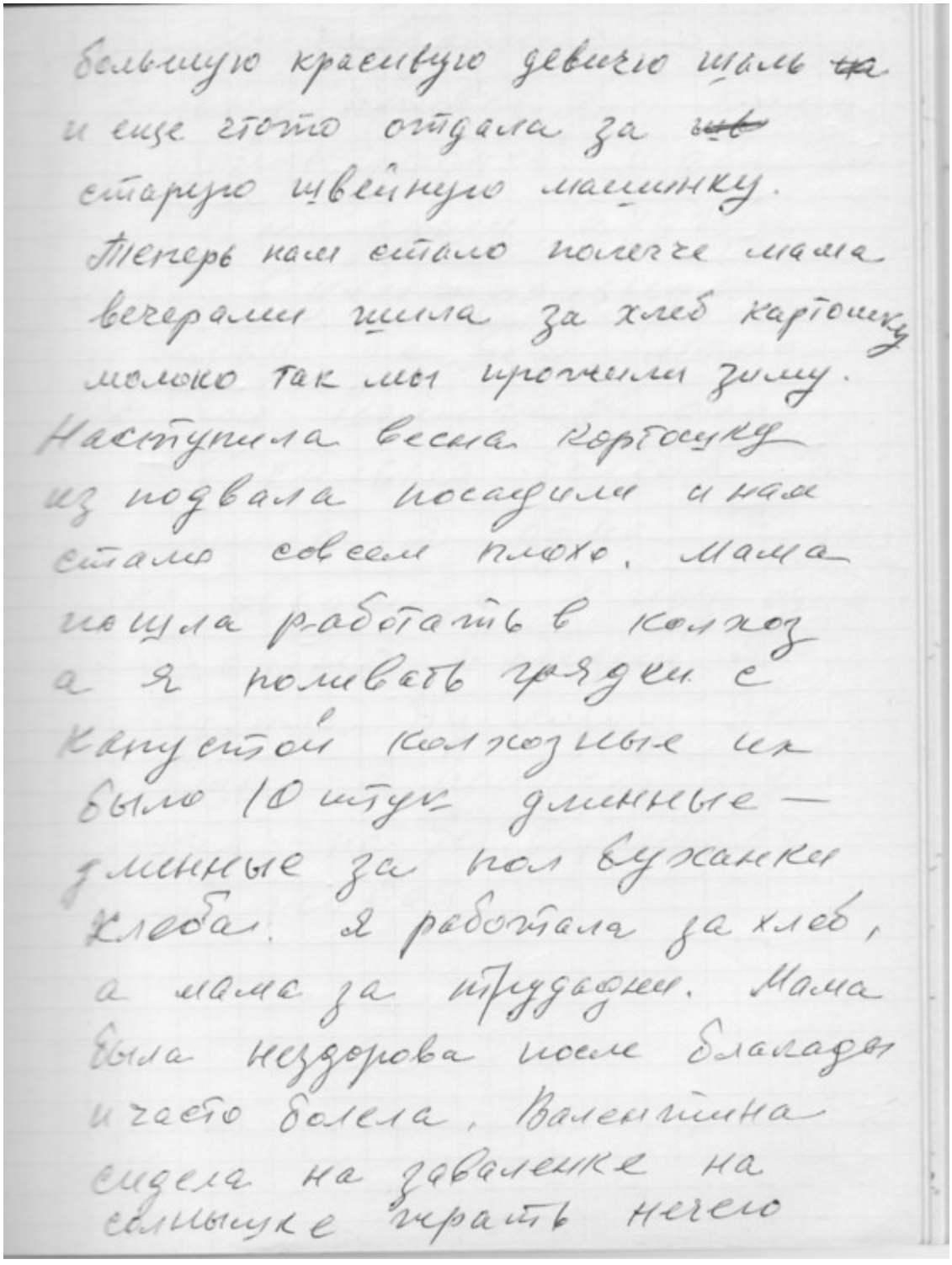
до краёв. ещё бы немного и мы
были бы в ладыге ну, а там конец.
Нас перевели на другой берег
и выгрузили без еды хлеба под
проливным дождем. наши вещи
все промокли мы тоже там
мы чтли под открытым небом
целую неделю. Потом пригнали
товарняк и мы поехали куда
незнаем сами. мы ехали долго
два месяца за это время мама
успела нас потерять и опять
найти. На какой-то станции
она вышла за кипятком, а
в это время подогнали паровоз
и мы уехали она осталась на
станции. Нас она догнала
больше недели. А я всё время
была с вещами и Валентиной.

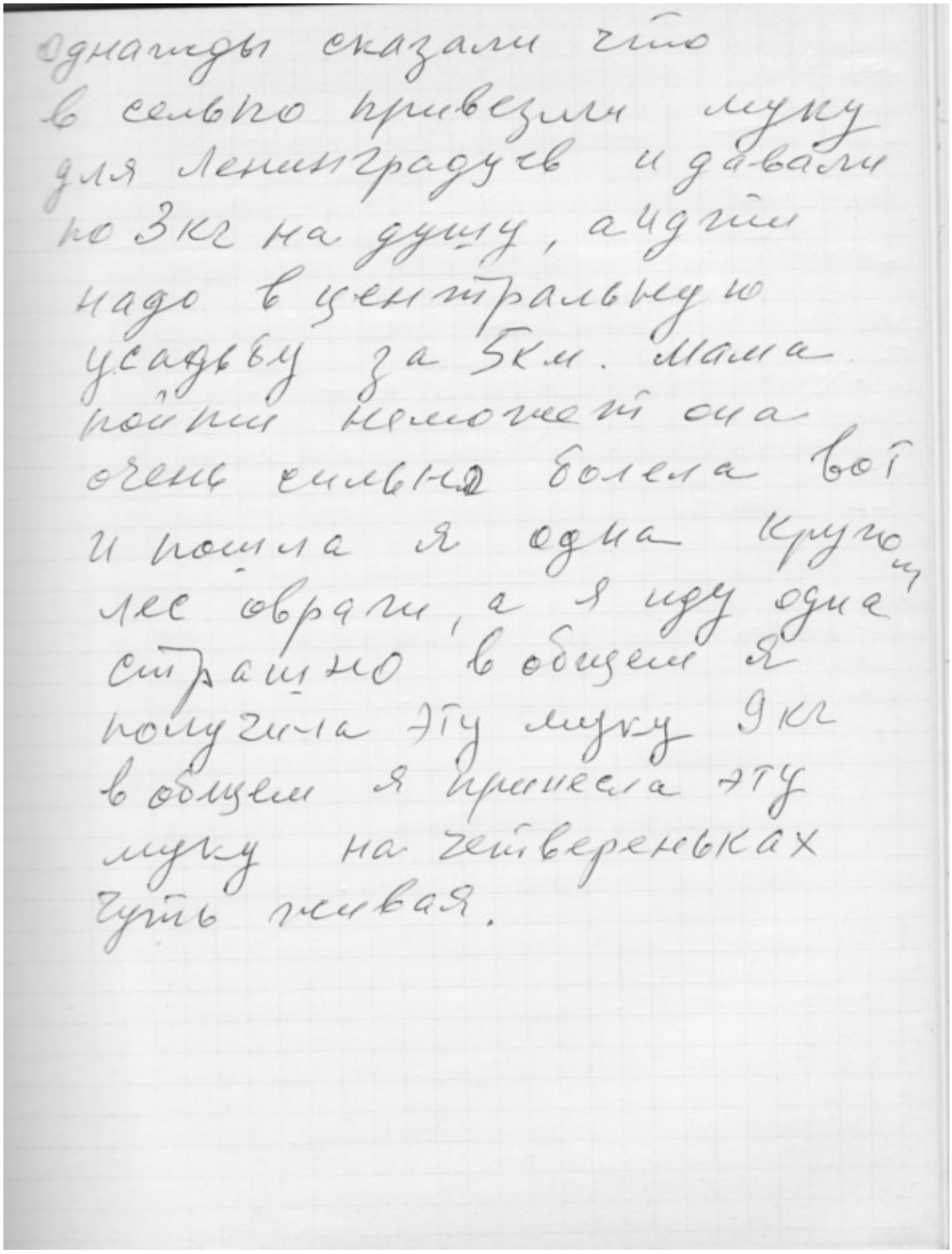
Нас привезли в Йошкар-Олу.
Марийская АССР.
Там нам дали направление
в Марки по дороге из Йошкар-Олы
до Марков у нас чуть не украли
все вещи хорошо мама не спала
это было ночью. оттуда нас на
лошадях отвезли в колхоз
Пусак-кала деревня Домейкино.
нас было три семьи.
мы остались жить в колхозном
правлении потому-что пустых
домов небыло нам отгородили
закуток примерно 1,5 метр × 1,5
деревенские нам принесли картошки
молока хлеба. наступила
осень надо идти в школу, а
нужна я нечего обуть и одеть
нечего кушать тоже нечего.
из колхоза нам выдели

Кол буханки хлеба на день, а
картошку мы варовали у колхоза
над нами был заколочетый подвал
с семянной картошкай вот
то начали мы и лазали туда с
малой. Валя была слабенькая
девочка всё болела не ходила
ещеть и то немогла. я ~~хо~~
ходила в школу мне мама из
штанок ешила бурки а галоши
я насила её. в школе между
урокамы давали гороховый суп
так что в школу мы ходили с
мискамы. я быстро научилась
марийскому языку и уже
к новому году была у мамы
переводчицей. Деревня была
бедная да и кушать у нас ненашто
было. Мама сменяла свою

большую красивую девичью шаль
и еще что-то отдала за
старую швейную машинку.
Теперь нам стало полегче мама
вечерами шила за хлеб картошку
молоко так мы прожили зиму.
Наступила весна картошку
из подвала посадили и нам
стало совсем плохо. Мама
пошла работать в колхоз
а я поливать грядки с
капустой колхозные их
было 10 штук длинные —
длинные за пол version хлеба.
Я работала за хлеб,
а мама за трудодни. Мама
была нездорова после блокады
и часто болела. Валентина
сидела на завалинке на
солнышке играть нечего

однажды сказали что
в сельпо привезли муку
для Ленинградцев и давали
по 3кг на душу, а чтоб
надо в центральную
усадьбу за 5км. Мама
пойти немогла она
очень сильно болела ног
и пошла я одна кругом
лес овраги, а я иду одна
страшно в общем я
получила эту муку 3кг
в общем я принесла эту
муку на гнёвренках
чуть живая.

Начну с того, что мы жили в Ленинграде на Нейшлотской улице, дом 23, а комната у нас была №15. Это большая комната с плитой на втором этаже. Раньше мы жили на Волковке в совхозе вместе с тётей Стешей и дядей Ваней Маркевичами (это Тамарины родители (Тамары Ивановны Василевской, в девичестве Маркевич)). Это было в 1937—1938 годах. Потом папа устроился работать дворником в Лесотехническую академию, и ему дали комнату. Этот дом принадлежал Академии, и здесь жили студенты. Был длинный коридор комнат 20, одна кухня и туалет на всех.

Это были самые лучшие годы моей жизни. Мама работала на «Красной заре» намотчицей, а я была предназначена сама себе, делала, что хотела, садиков не было, и я с другими

детьми гуляла во дворе. Я озорная девочка, и меня не все любили, а мальчишки побаивались, я могла их и поколотить. Но это всё было детство – чудное детство. В 1940 году я пошла в школу, номер я её не помню, но это на Нейшлотском, большое серое здание, оно и сейчас там стоит. Окончила я первый класс, перешла во второй, но в нем мне учиться уже не пришлось. Когда началась война в 1941 году, папы не было с нами, его взяли на военные сборы до войны, а мама попала в роддом, ушла за Валентиной (Валентиной Николаевной Абрамовой, в девичестве Дегтярёвой). Она родилась слабой и больной девочкой, так что маму долго продержали в больнице, уже шла война. Папа в армии, мама в больнице, а я дома одна. Мне 9 лет, кругом все скупают – в магазинах очереди – сахар, крупу, спички, соль, все затоварились. Одной мне ничего не надо. Гуляю себе сколько хочу.

15 июня родилась Валя, а мама пришла домой уже в июле с большой температурой, её выписали из больницы из-за меня.

Вот тут всё и началось. Жрать нечего, начались бомбежки, подступила зима, дров нет. Мама оправилась и устроилась в охрану на ГОМЗ (теперь ЛОМО), дежурила сутками.

Теперь расскажу про наш дом. Это страшная история, не зря наш дом называли «домом смерти».

В 1941 году студентов уже не было, они ушли все на фронт. Так вот, в 1941 году была мобилизация рабочей силы на заводы города Ленинграда. К нам привезли большую партию молодых ребят от 16 до 19 лет из Сибири и других мест. Парни молодые, здоровые, взрощенные на колхозных хлебах и коровьем молоке. Они привезли с собой целые мешки хлеба, сала, сыра, яиц, в общем, всё, что дала родная мама своему любимому сыночку. Но это всё у них отняли и выбросили на помойку, в общежитии у нас нельзя хранить большие запасы. Ведь они поступили в училище на государственные хлеба. Хлеб, который им давали, и крупяной суп не утоляли голода. И парни стали слабеть. Они деревенские парни и не могли найти выхода из этого положения, а зима была суровая, они умирали целыми комнатами, по 5—6 человек сразу. Но их никто не убирал, они лежали всю зиму прямо в своих постелях, скорчившись от голода и холода. Дом наш стоит у железной дороги у Финляндского вокзала, одинокий такой дом, а кругом железная дорога (Дорога жизни), ЛОМО, товарная станция, танки, пушки, всякие составы, так что можно представить себе, сколько раз в день нас бомбили и обстреливали. В доме не было стёкол вообще. Все окна забиты фанерой, света не было, пользовались свечой, а чаще ничем. Так вот, наш дом в 8 этажей, в каждом этаже 20—25 комнат, а в каждой комнате по несколько покойников. Они лежали до весны, окоченевшие от стужи. Наш дом стоял на отшибе, и к нам во двор и парадную свозили всех мертвецов нашей улицы и ближайших улиц тоже, но когда была зима и всё было покрыто снегом, это было не видно, а когда наступила весна, они стали вылезать отовсюду. Это было ужасно смотреть. Я никогда не забуду тех двоих детишек в корзине у забора. Вот прошло много лет, а я их помню. Я уже сказала, что мама работала сутками на заводе, а мы с Валей лежали в холодной комнате, покрытые периной и какими-то матрасами, и ждали маму, когда она придет и принесёт хлеба. Вода в ведре застыла, за ней мы ходили на Неву, воду брали в проруби у «Октябрьской текстильной фабрики». Мама приходила усталая, голодная, приносила с собой дров от разбитых вагонов, затопляла плиту, грела воду, варила суп из столярного клея и давала нам по маленькому кусочку хлеба. Потом пили чай с солью и без хлеба и ложились спать. При бомбёжках мы в бомбоубежище не ходили, было всё равно, убьют нас или нет. И вообще, мы ничего не боялись, ходили по мертвым этажам, искали, где и что можно сжечь. Однажды мама ушла на работу и её долго не было, потом я услышала, что в дверь кто-то скребется. Я открыла дверь и увидела маму. Сколько она тут пролежала, я не знала, но она была почти мертва, я втащила её в комнату, постелила на плиту ватник и как могла втащила её туда. Я не знаю, но я боялась, если мама умрет, то умрем и мы. Я затопила плиту. Сколько я сожгла книг и тряпок, я не знаю, но помню,

что ватник, на котором лежала мама, начал дымиться. Я его потушила и накрыла маму одеялом, и она согрелась и ожила (потом она говорила, что я её спасла). Было очень голодно, я стала говорить маме, что она съедает наш паёк и нам дает меньше хлеба, чем положено. Это было не так. Я это точно знаю, потому что если бы она съела хоть крошку нашего пайка, мы бы умерли. Мама говорила: «Вот, дети, ваш хлеб, а вот мой. Вы ешьте свой, а я свой».

Блокадный хлеб. В его состав входил жмых, отруби, опилки… Но это был ХЛЕБ!

Шестнадцать тысяч матерей
пайки получат на заре —
сто двадцать пять блокадных грамм
с огнем и кровью пополам.
…О, мы познали в декабре —
не зря «священным даром» назван
обычный хлеб. И тяжкий грех —
хотя бы крошку бросить наземь:
таким людским страданьем он,
такой большой любовью братской
для нас отныне освящен,
наш хлеб насущный, ленинградский.

О. Ф. Берггольц

Я никогда не проглотила крошки Валиного хлеба. Она лежала завернутая в тряпки, такая маленькая и худенькая, что смотреть было страшно. Я жевала ей жвачку-соску из хлеба, клала в марлю и давала ей сосать. Целый день я согревала её своим теплом, ведь мы лежали на кровати вместе. Днем я уходила за соевым молоком, которое давали в детской консультации Педиатрического института на Литовской. Приносила это молоко, 200 гр., грела и поила Валю.

Однажды я ходила за молоком, был артиллерийский обстрел, нас всех загнали в убежище. На дороге осталась лошадь с санями, в неё попал снаряд, люди выбежали из убежища и разорвали эту лошадь на куски, подобрали даже снег, который был в крови. Зимой, уже после Нового года, мы переехали в другую комнату, маленькую, которую было легче отапливать,

там все умерли и она освободилась, так мы в ней и остались жить на всё время. Мама ездила на Бадаевские склады (их зимой разбомбило) и собирала там землю, она была черная, но мама пекла лепёшки, мешая с выпитым чаем и ещё с чем-то, и жарила их на тавоте (это смазка для снарядов и металла), вкус и запах был ужасным, тавот застывал, как только его сняли со сковородки. Но очень хотелось кушать. Так прошла зима. Наступала весна, уже вышла трава и выросла лебеда, мы, ребятишки, которые остались в живых, выползали на улицу и ели траву, какая только попадалась. Мама стала печь лепёшки из лебеды (я до сих пор ненавижу вид и запах лебеды). Жить стало легче, прибавили хлеба. Но вышел указ, что женщин, имеющих двоих детей, эвакуировать Дорогой жизни безоговорочно. Маму срочно рассчитали на работе, и в августе-сентябре м-це мы выехали на Ладогу.

Страшная зима кончилась, мы сожгли всю мебель, книги, которые были в доме. Покойников убрали, их грузили на машины, как дрова, кидали в кузов и отвозили на пустырь за больницу Мечникова, там были вырыты траншеи длинные, длинные, и их сбрасывали туда. Там похоронена и Шура Юринова (Танина и Колина сестра), ей было девятнадцать лет, она умерла от кровавого поноса. Раньше примерно знали траншею, в которой она лежит, а сейчас там всё сровняли и поставили памятник, это место – Пискаревское кладбище.

Зимой мама продала за буханку хлеба новые папины хромовые сапоги, он их ни разу ни одел. Потом отдала какой-то женщине свое платье новое крепдешиновое и золотые серёжки за три трехлитровых бидончика обмывок с тарелок с госпиталя Военно-медицинской академии у Финляндского вокзала, я сама ходила за этой, уж как назвать, не знаю, едой, наверно.

Мы собрали свои вещички и отправились на Финляндский вокзал, в эвакопункте нам дали буханку хлеба, какое это было счастье – хлеб. Нас погрузили в товарные вагоны и отвезли на Ладогу. Это огромное озеро без начала и конца, одна вода, мы там пробыли несколько дней, потом нас погрузили на самоходную баржу и стали перевозить на другой берег, бомбёжки я не помню, по-моему, ее не было, но было другое. Когда мы доплыли до середины озера, прямо на нас шёл большой военный корабль, мы с ужасом смотрели на него, наш штурман прибавил ходу, и корабль ударил нас в хвост, мы покачались, но не перевернулись, видно, богу было неугодно, чтобы мы потонули в Ладоге, пережив такую зиму. Баржа была набита женщинами и детьми до краев. Ещё бы немного, и мы были бы в Ладоге, ну, а там конец.

Нас перевезли на другой берег и выгрузили без еды, хлеба под проливным дождем. Наши вещи все промокли, мы тоже, там мы жили под открытым небом целую неделю. Потом пригнали товарняк, и мы поехали, куда – не знаем сами. Мы ехали долго, два месяца, за это время мама успела нас потерять и опять найти. На какой-то станции она вышла за кипятком, а в это время подогнали паровоз, и мы уехали, она осталась на станции. Нас она догоняла больше недели. А я всё время была с вещами и Валентиной.

Нас привезли в Йошкар-Олу. Марийская ССР. Там нам дали направление в Морки, по дороге из Йошкар-Олы до Морков у нас чуть не украли все вещи, хорошо, мама не спала, это было ночью. Оттуда нас на лошадях отвезли в колхоз Пусак-Сала, деревня Досметкино. Нас было три семьи. Мы остались жить в колхозном правлении, потому что пустых домов не было, нам отгородили закуток примерно один и пять метра на один и пять метра, деревенские нам принесли картошки, молока, хлеба.

Наступала осень, надо идти в школу, а языка я не знаю, обуть и одеть нечего, кушать тоже нечего. Из колхоза нам выделили полбуханки хлеба на день, картошку воровали у колхоза – под нами был заколоченный подвал с семенной картошкой. Вот поначалу мы и лазали туда с мамой. Валя была слабенькая девочка, всё болела, не ходила, сидеть и то не могла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.